

ВЧЕРАШНЕЕ СРАЖЕНИЕ ЗА ЗАВТРАШНЕЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

П. А. БУТАКОВ

Томский государственный университет
Институт философии и права СО РАН
pavelbutakov@academ.org

PAVEL BUTAKOV

Tomsk State University
Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk

A YESTERDAY BATTLE OVER THE TOMORROW SEA BATTLE

ABSTRACT. The appropriationist approach to history of philosophy is often accused of being antihistorical and thus unreliable. The appropriationists are only concerned with their own philosophical problems, and they make discriminating use of the historical data as far as it serves their needs. Its rival, the contextualist approach, claims to be an honest, dedicated and reliable treatment of history. The contextualists are willing to make use of the tedious methodology of Classical studies as long as it promises to uncover the true historical data. In this paper I present a case where the contextualists have failed to surpass their rival appropriationists in their quest for veracity. The case is the debate about Aristotle's *De Interpretatione* 9, which took place in 1950-1980s. In this debate the contextualists were unable to offer any other results except for those which have already been suggested by the appropriationists. In addition I demonstrate how the contextualists selectively used the arsenal of Classical methodology not to uncover the truth, but to justify their own preconceived interpretations.

KEYWORDS: Aristotle, *De interpretatione* 9, history of ancient philosophy, Classical studies, appropriationism, contextualism.

Введение

Аналитических философов часто критикуют за антиисторичность. И действительно, при обсуждении своих философских проблем современные

аналитики зачастую просто игнорируют те решения, которые уже были предложены их предшественниками. Более того, даже если они иногда ссылаются на мыслителей прошлого, то это вовсе не значит, что их хоть сколько-нибудь интересует достоверная реконструкция древних учений. Скорее, история философии у них лишь исполняет роль удобного фона для постановки современных проблем. Поэтому упреки аналитикам в их антиисторизме или, по крайней мере, аисторизме выглядят вполне обоснованными.

Аисторизм аналитических философов проник и в сферу профессиональной истории философии. Вместо того чтобы тщательно восстанавливать всевозможные исторические нюансы и контексты, аналитические историки философии предпочитают решать современные задачи, а наследие прошлого они рассматривают лишь как хранилище потенциально полезных идей и аргументов. Такое отношение к истории получило название *апроприационизма* или присваивающего подхода. Идейнными противниками апроприационистов выступают *контекстуалисты*, придерживающиеся традиционных историцистских идеалов классической филологии или антиковедения.¹ Главной научной целью контекстуалистов является максимально достоверная реконструкция мнений философов прошлого посредством «вписывания в контекст», т. е., при помощи богатого арсенала филологических и исторических методов. С их точки зрения, апроприационисты виновны в том, что под видом мнений философов прошлого они излагают собственные вольные фантазии и домыслы, а не тщательно выверенные результаты научного исследования.

Но так ли уж ненадежен апроприационистский подход? И являются ли трудоемкие научные методы контекстуалистов гарантией получения более достоверных результатов? Оказывается, что не всегда. В данной статье я приведу в пример историю одного историко-философского исследования, в котором весь арсенал контекстуалистских методов и десятилетия напряженной работы множества ученых так и не смогли превзойти те результаты, которые были получены апроприационистами «сходу», без использования антиковедческой методологии. Речь пойдет о научных баталиях, развернувшихся в историко-философской литературе во второй половине XX века по поводу Аристотелевского решения проблемы «завтрашнего морского сражения», т. е., споров о том, как следует интерпретировать 9-ю главу кни-

¹ Апроприационизм и контекстуализм отчасти (но не в точности) совпадают с предложенными Ричардом Рорти (Rorty 1984) жанрами рациональной реконструкции и исторической реконструкции. Подробнее об апроприационизме и контекстуализме см. Вольф, Косарев 2016, 228. Подробнее о четырех жанрах Рорти см. Целищев 2016.

ги Аристотеля «Об истолковании», где эта проблема была сформулирована впервые.

Чего не будет в данной статье? Во-первых, я не стану затрагивать вопрос о том, что же на самом деле хотел сказать Аристотель в этой спорной главе. Меня интересует не столько мнение самого Аристотеля, сколько полемика исследователей-контекстуалистов о его мнении. Во-вторых, несмотря на то, что споры об интерпретации этой главы ведутся еще с античных времен,² я ограничусь лишь небольшим историческим периодом – начиная с очередного всплеска интереса к этой теме в середине 1950-х и заканчивая заметным угасанием этого интереса после середины 1980-х. В-третьих, даже описание этого тридцатилетнего периода будет далеко не полным ввиду ограничений объема статьи. Я приведу лишь наиболее показательные эпизоды этой полемики, которые указывают на пределы возможностей контекстуалистской методологии.³ И, наконец, в-четвертых, я вовсе не утверждаю, что апроприационистский подход способен достигать лучших результатов, чем контекстуализм. Я лишь хочу показать, что иногда апроприационисты получают те же самые результаты гораздо эффективнее, и что, несмотря на все усилия контекстуалистов и все богатство их арсенала, им так и не удается добиться чего-то большего.

Суть спора

В 9-й главе трактата «Об истолковании» Аристотель пытается разрешить проблему логического фатализма. В самых общих чертах суть рассуждений Аристотеля такова. С точки зрения логики всякое высказывание либо истинно, либо ложно. Следовательно, высказывание «завтра будет морское сражение» либо истинно, либо ложно. Следовательно, уже сейчас либо истинно то, что завтра будет морское сражение, либо истинно то, что его не будет. Следовательно, уже сейчас предопределено, будет завтра морское сражение или не будет. Следовательно, фатализм верен. Но Аристотель убежден, что фатализм неверен. Значит, ему нужно найти ошибку в этом фаталистском аргументе. Где же ошибка?

Ответ Аристотеля не так уж очевиден. С одной стороны, кажется, что он считает ошибочной исходную посылку о том, что всякое высказывание либо истинно, либо ложно. С другой стороны, в его ответе есть указания на

² Об античных интерпретациях «завтрашнего морского сражения» см., напр., Gaskin 2015, Knuuttila 2015, или на русском языке: Борисов 2014. Описание средневековых дискуссий: Knuuttila 2015.

³ Более полный анализ данной дискуссии содержится, например, у Sorabji 1980, Craig 1988 и Gaskin 1995.

некую логическую ошибку, допущенную при переходе от исходной посылки к фаталистскому заключению. На основании этой двойственности ответа Аристотеля мнения интерпретаторов делятся на два лагеря. Первые считают, что, согласно Аристотелю, высказывания о будущих случайных событиях обретут свое истинностное значение лишь в будущем, а сейчас они еще не являются ни истинными, ни ложными, и поэтому здесь нет никакой predeterminedности. Вторые полагают, что Аристотель не ставит под сомнение истинностное значение высказываний о будущих случайных событиях, и что опровержение логического фатализма происходит через выявление модально-логической ошибки перехода от истинности к необходимости.⁴

В литературе существует множество разных наименований представителей этих двух лагерей. Все существующие названия не совсем удачны, так как они либо не вполне корректны, либо не являются интуитивно ясными. Чаще всего, следуя за Я. Хинтиккой (Hintikka 1973, 148), первую точку зрения называют «традиционной», а вторую «нетрадиционной». Но, как метко заметил Р. Сорабжи (Sorabji 1980, 92), обе точки зрения были предложены еще в античности, поэтому обе являются вполне традиционными. Еще до Хинтикки Н. Решер предложил называть сторонников первой точки зрения «ортодоксальными», а вторых «средневековыми» (Rescher 1967), но, если учитывать замечание Сорабжи, такая терминология будет также некорректна. Более точные термины предложил Р. Гэскин (Gaskin 1995, 12–14), назвав первых «анти-реалистами», а вторых «реалистами»; однако его терминология основана на представлениях об онтологическом статусе будущих событий (Бутаков 2016), и без дополнительных разъяснений она не представляется интуитивно ясной. Наконец, первую точку зрения иногда называют просто «стандартной», а вторую «нестандартной». Опять же, здесь можно возразить, что первая позиция ничем не более стандартна, чем вторая.

В данной статье я не буду использовать какие-либо из существующих названий и просто ограничусь словами «первый» и «второй». Для простоты я буду использовать числа в фигурных скобках. Например, «Лукасевич {1}» и «Энском {2}» будет означать, что Я. Лукасевич приписывал Аристотелю

⁴ Мне не ясно, почему никто из рассматриваемых мною авторов, кроме Я. Хинтикки (Hintikka 1973, 149), даже не допускает возможности того, что Аристотель рассматривает более одного решения.

первую точку зрения, а Э. Энском вторую.⁵ Более строго разногласие между {1} и {2} можно сформулировать так:

{1} Аристотель считал, что принцип бивалентности не распространяется на высказывания о будущих случайных событиях.

{2} Аристотель считал, что принцип бивалентности распространяется на все высказывания.

Под «принципом бивалентности» подразумевается то, что высказывание должно иметь одно из двух истинностных значений: оно либо истинно, либо ложно. Если принять {1}, то получится, что Аристотель признает исходную посылку вышеупомянутого рассуждения ложной, и тем самым он опровергает аргумент в защиту фатализма. Но если принять {2}, то получится, что Аристотель признает исходную посылку истинной, и тогда интерпретаторам придется искать в тексте Аристотеля какое-то другое опровержение фаталистского аргумента. Обычно сторонники {2} находят его в указании на некорректность перехода от истинности высказываний к предопределенности событий. Другими словами, согласно {1}, фаталистский аргумент правильный, но у него ложные посылки; а согласно {2}, посылки фаталистского аргумента истинны, зато неправильный сам аргумент.

Апроприационистские решения

В начале 1950-х в англоязычной литературе получили распространение работы польского логика Яна Лукасевича, среди которых была его лекция «О детерминизме», прочитанная им в 1922 году. В этой лекции Лукасевич ссылается на Аристотелеву проблему «завтрашнего морского сражения», формулирует принцип бивалентности и излагает собственную систему трехзначной логики, в рамках которой высказывания о будущих случайных событиях не являются ни истинными, ни ложными (т. е., на них не распространяется принцип бивалентности), а имеют третье, «неопределенное», значение. Заодно Лукасевич заявляет, что его точка зрения совпадает с мнением Аристотеля (Łukasiewicz 1967, 36–37). Тем самым Лукасевич {1} демонстрирует типичный апроприационистский подход: он заимствует у Аристотеля формулировку философской проблемы, разрабатывает собственное оригинальное решение, и при этом полагает, что его решение созвучно мнению Аристотеля.

⁵ Еще одна причина, по которой я избегаю общепринятой терминологии, связана с тем, что, следуя ей, вольнодумец и новатор Лукасевич будет отнесен к «традиционалистам», а консервативная католичка Энском, подкрепляющая свои выводы ссылкой на средневековую папскую буллу (Anscombe 1956, 14), – к «нетрадиционалистам». Это контринтуитивно.

В 1953 году британский философ Гильберт Райл {1} в своей лекции «Дилеммы» обращается к проблеме логического фатализма. Утверждая, что он следует за Аристотелем (Ryle 1964, 30), Райл показывает, что высказывания о будущем в принципе не могут быть ни истинными, ни ложными, поскольку высказываются о несуществующем.⁶

Примерно в то же время начинают выходить работы новозеландского логика Артура Прайора {1}, который, вдохновленный Лукасевичем, разрабатывает свою темпоральную логику и, записывая Аристотеля в свои единомышленники, предлагает решение проблемы завтрашнего морского сражения в рамках собственной системы (Prior 1953).

Тогда же, в 1953 году, выходит статья У. В. О. Куайна {1} «Об одном так называемом парадоксе», в которой автор вступает в полемику с «фантазией Аристотеля» (Quine 1953, 65). Куайн полагает, что ограничение Аристотелем принципа бивалентности⁷ является недопустимой логической ошибкой. Вызов, брошенный Куайном Аристотелю, оказался острой и ясной проблемой для философской логики. Ученики Людвиг Витгенштейна и издатели его последней работы «О достоверности» (1951) Э. Энском {2} и Г. Х. фон Вригт {2} встали на защиту Аристотеля. Вероятно, учтя серьезность критики Куайном позиции {1}, они отказываются от нее и приписывают Аристотелю позицию {2}. Энском отстаивает {2} контекстуалистскими методами (Anscombe 1956), а апроприационист фон Вригт {2} применяет к Аристотелю Витгенштейновское разграничение понятий истинности и достоверности. Согласно фон Вригту, фатализм основывается на достоверности, а принцип бивалентности утверждает не достоверность, а истинность. А поскольку истинность и достоверность не связаны напрямую, то фатализм не следует из принципа бивалентности. Получается, что Аристотель опроверг фаталистский аргумент указав на некорректность подмены истинности достоверностью (von Wright 1984).⁸

Подводя итоги нашего краткого экскурса по апроприационистским решениям проблемы Аристотеля, следует отметить следующие особенности. Все упомянутые апроприационисты не занимаются анализом текста Аристотеля. Их заявления о том, что думал Аристотель, не подкрепляются никакими аргументами. Занятно и то, что все они полагают, что Аристотель «путался» и

⁶ Подробнее об аргументе Г. Райла см. Борисов, 2014, а о его соответствии позиции самого Аристотеля см. Спешилова, 2015.

⁷ Строго говоря, Куайн называет «фантазией Аристотеля» следующее: «Утверждение "истинно, что p , или q " не является достаточным условием для утверждения "истинно, что p , или истинно, что q "».

⁸ Подробнее об аргументе Г. Х. фон Вригта см. Борисов, 2015.

что он был ограничен отсутствием современного логического инструментария. Обнаружив проблему, Аристотель лишь наметил, но так и не сумел внятно сформулировать способ ее решения. Зато современная философия, по мнению вышеупомянутых авторов, вполне способна продолжить дело Аристотеля и наконец-то решить ту проблему, с которой он не справился. Апроприационисты предложили множество собственных решений, одни из которых следуют по пути {1}, а другие – по пути {2}. И несмотря на то, что сегодня в апроприационистской литературе интерес, собственно, к интерпретации Аристотеля уже невелик, поставленная им проблема истинности будущих случайных событий по-прежнему остается горячо обсуждаемой.

Контекстуалистская полемика

Вмешательство контекстуалистов в этот спор начинается в 1956 году с вышеупомянутой статьи Э. Энском {2} (Anscombe 1956). В отличие от апроприационистов, Энском и ее последователи избирают другую стратегию – они обращаются непосредственно к тексту Аристотеля и пытаются восстановить его точку зрения посредством филологического, исторического и концептуального анализа. Однако все их усилия так и не смогли ни предложить никакого другого решения кроме {1} и {2}, ни даже сделать убедительный выбор в пользу одного из них.⁹ Как будет показано в данном разделе, каждый из применяемых ими методов мог дать результаты как в поддержку {1}, так и в поддержку {2}. Складывается впечатление, что весь контекстуалистский арсенал был направлен не на получение результатов, а на подкрепление заранее сформированной точки зрения. В итоге, где-то к концу 1980-х спор контекстуалистов (в отличие от апроприационистов) постепенно затих. Во-первых, объем наработанных за 30 лет данных стал измеряться уже не статьями, а монографиями, поэтому полноценное погружение в данную проблематику стало слишком трудоемким делом, и лишь немногие отваживались на это.¹⁰ Во-вторых, по-видимому, была добыта вся информация, ко-

⁹ Единственным исключением можно считать работу Я. Хинтикки (Hintikka 1973), который, хоть, в целом, и признавал {2}, но предложил настолько своеобразную модификацию этого подхода, что некоторые исследователи склонны выделять его версию в отдельную, третью группу, называя его подход «статистическим» (Gaskin 1995, 15). Для целей данной статьи это уточнение излишне, поэтому я буду относить Хинтикку к группе {2}.

¹⁰ Р. Сорабжи (Sorabji 1980) и У. Л. Крейг (Craig 1988) посвящают объемные разделы своих книг описанию и анализу полученных ранее результатов, а специальная монография Р. Гэскина (Gaskin 1995) в каком-то смысле подводит финишную черту контекстуалистским исследованиям данного фрагмента.

торию только можно было выудить из 9 главы «Об истолковании» и ее контекста, поэтому дальнейшая работа над данным текстом оказалась бесперспективной. Наконец, в-третьих, стало ясно, что аргументы обеих сторон достаточно сильны, и что данный спор невозможно разрешить контекстуалистскими средствами. В оставшейся части статьи я продемонстрирую то, как использование одних и тех же методов приводило контекстуалистов к получению противоположных результатов.

1. Работа с языком оригинала

Неотъемлемой частью работы контекстуалиста является обращение к тексту на языке оригинала. Однако изучение греческого текста 9-й главы «Об истолковании» не привело к снятию противоречий. Некоторые участники спора даже предложили собственный перевод: сначала Энском {2} (Anscombe 1956) перевела 9-ю главу так, чтобы это больше соответствовало позиции {2}. Затем Экрил {1} (Ackrill 1963) издал полный перевод «Об истолковании», который больше согласуется с {1}.¹¹ Наконец, Файн {2} (Fine 1984) сделала свой перевод 9-й главы, сопроводив его резкой критикой перевода Экрила {1}.

Зачастую работа с греческим текстом упирается в спор о словах. Одна из таких спорных тем: перевод обычного слова *ὅτε* или *ὅταν* («когда», 19а23–27). Крейг {1} настаивает, что слово «когда» явно указывает на темпоральный контекст проблемы, из чего следует, что Аристотель настаивает на существенном различии между высказываниями о настоящем и о будущем, что свидетельствует в пользу {1} (Craig 1988, 49). Файн {2} заявляет, что здесь «когда» просто обозначает логическое «если» (как, например, в выражении: «когда складываешь 2 и 2, то получаешь 4»), и никакого темпорального контекста здесь нет (Fine 1984, 25). Занятно, что здесь с Крейгом {1} согласен не только Сорабжи {1} (Sorabji 1980, 22), но и Энском {2} (Anscombe 1956, 6–7), и Хинтиikka {2} (Hintikka 1973), хотя они встраивают эту темпоральность *ὅτε* в специфический смысловой контекст так, чтобы это не мешало им отстаивать позицию {2}. Аналогичное разногласие происходит и с переводом *οὐ ἔτι* («не уже» или «еще не», 19а39) в предложении «высказывание еще не истинно или ложно». Крейг {1} утверждает, что здесь явно имеется в виду темпоральное значение (Craig 1988, 57), с ним согласен Хинтиikka {2} (Hintikka 1973, 174); Экрил {1} признает, что здесь, скорее, темпоральное значе-

¹¹ Перевод Дж. Экрила {1} до сих пор является одним из наиболее популярных. При этом позиция {1} гораздо чаще находит поддержку у современных англоязычных читателей. Я полагаю, что эти два обстоятельства связаны между собой, хотя и не могу этого доказать.

ние, хотя возможно и чисто логическое (Ackrill 1963, 141), а Энском {2} (Anscombe 1956, 8) и Файн {2} (Fine 1984, 35) настаивают, что это «еще не» надо понимать строго логически, а не темпорально. Очевидно, что простое знание греческого языка и работа с оригинальным текстом еще не является залогом правильного понимания, так смысл текста зачастую подстраивается под идейные предпочтения переводчика.

2. Выявление логической структуры аргументации

Еще одним важным методом анализа философского текста является вычленение его внутренней логической структуры. Но и здесь наблюдаются значительные расхождения между интерпретаторами. Выявленная ими структура напрямую зависит от того, что они изначально принимают за основной аргумент Аристотеля. Сначала Энском {2} предложила свое оригинальное видение структуры его аргумента. С ее точки зрения эта структура неочевидна и открывается лишь весьма дотошному читателю. Аристотель якобы специально поначалу запутывает читателя, чтобы раскрыть весь свой замысел только к концу главы (Anscombe 1956, 4). Почему-то Энском называет пассаж 18b13–14 ключевым для понимания всего текста. Стрэнг {2} критикует Энском за то, что выявленная ею структура мысли Аристотеля ничем не обоснована, и взамен предлагает свою трехчастную структуру, которая «имеет больше смысла» (Strang 1960, 450). Эту трехчастную структуру впоследствии заимствуют Хинтиikka {2} и Файн {2}. При этом Хинтиikka называет «центральным пассажем» 19a23–25 (Hintikka 1973, 158), а Файн видит ключ к пониманию замысла Аристотеля в 19a27 (Fine 1984, 29–31). Лоу {2} в общих чертах принимает ту же структуру, но вводит одну существенную поправку: по мнению предшественников, Аристотель сначала перечисляет три тезиса фаталиста, а затем по очереди отвечает на каждый из них (Hintikka 1973, 155); а Лоу полагает, что ответы Аристотеля расположены в обратном порядке, т. е., первый ответ относится к последнему тезису, а последний к первому. Он аргументирует такой подход тем, что на него, якобы указывает специфика используемых Аристотелем форм глаголов (Lowe 1980, 56). Что же касается того пассажа, который Файн назвала ключевым для понимания, то Лоу провозглашает его полностью бессмысленным и, вероятно, отсутствовавшим в оригинальном тексте (Lowe 1980, 55, 58)¹². Помимо Лоу {2} этот же пассаж считает бессмысленным и Экрилл {1} (Ackrill 1963, 134–137).

¹² Интересно, что Лоу {2} приходит к этому выводу основываясь на текстологической оценке качества имеющихся манускриптов. Крейг также опирается на пapiroлогические данные, что, однако, не мешает ему использовать их в поддержку позиции {1} (Craig 1988, 29–33).

Особенностью данной трехчастной структуры, популярной среди сторонников {2}, является то, что она охватывает лишь среднюю часть 9-й главы, делает особый упор лишь на небольшом фрагменте в конце этой части и совершенно игнорирует вводную и заключительную части главы (Fine 1984, 35; Craig 1988, 7, 47). Но именно во введении и заключении как раз содержатся те рассуждения Аристотеля, на которых основана интерпретация {1}. Получается, что процесс поиска гипотетической внутренней структуры и ключевых пассажей настолько же сильно зависит от идейных предпосылок интерпретатора, как и перевод текста с языка оригинала. В этой выявленной логической структуре те пассажи, которые совпадают с точкой зрения исследователя, будут обозначены как центральные, а те, которые не вписываются в его концепцию, будут отвергнуты как бессмысленные, запутанные, или просто вынесены за скобки.

3. Вписывание в контекст

Наконец, следует обратить внимание на краеугольный камень контекстуалистской методологии – помещение исследуемого текста в более широкий контекст. При этом то, какой именно контекст является определяющим для интерпретации, опять же, зависит от предпочтений интерпретатора. Все контекстуалисты так или иначе опираются на какой-нибудь контекст. Экрил {1} настаивает, что рассуждения центральной части 9-й главы необходимо рассматривать в контексте ее вводной части (Askrill 1963, 134). Нил {1} считает, что мнение Аристотеля в книге «Об истолковании» обязано совпадать с его мнением, высказанным в «Метафизике» (Kneale 1962, 47–48). Файн {2} тоже обращается к другим произведениям Аристотеля, но не ради его мнений, а для уточнения того, в каком значении он обычно использует некоторые греческие словосочетания (Fine 1984, 25–27, 29). Больше всех к другим произведениям Аристотеля обращается Хинтиikka {2}, однако он ищет в них типичные стратегии аргументации. Он прямо заявляет, что если мы обнаружили у Аристотеля какой-то важный способ рассуждения, то мы «имеем право ожидать от него того же самого и в других работах» (Hintikka 1973, 159). И вообще, следует отвергать те варианты интерпретации, аналогов которым мы не сможем найти в других произведениях (Hintikka 1973, 163–164).

Среди наших исследователей встречается и другое понимание контекста – контекста произведений других философов, причем не только предшественников и современников Аристотеля, но и тех, что жили после него. Нил {1} предлагает рассматривать трактат Аристотеля «Об истолковании» в контексте «Софиста» Платона (Kneale 1962), а Хинтиikka {2} призывает на помощь мегариков и Цицерона (Hintikka 1973, 161, 167). Также защитники по-

зиции {1} регулярно ссылаются на то, что точно так же понимали Аристотелевские стоики (которые при этом были с ним не согласны).

Как и в случае обращения к языку оригинала и выявлению внутренней структуры, «вписывание в контекст» также не дает однозначных результатов. Понятие «контекста» настолько широко, а пространство для поиска всевозможных контекстов настолько необъятно, что каждый контекстуалист вполне сможет отыскать себе тот контекст, который ему нужен для подтверждения собственной позиции.

Завершая описание контекстуалистских приемов, следует обратить внимание еще на один любопытный нюанс. Как уже было сказано, все ранее перечисленные в этой статье апроприационисты ставили себя на более высокую ступень развития, чем Аристотеля, тем самым демонстрируя прогрессистский подход к истории философии. При этом среди упомянутых здесь контекстуалистов снисходительное отношение к античности также является вполне распространенным явлением. Энском {2} и Нил {1} уверены в том, что проблемы Аристотеля связаны с тем, что в его распоряжении не было достижений современной логики (Anscombe 1956, 1; Kneale 1962, 47). Хинтикка {2} считает мышление Аристотеля шаблонным (Hintikka 1973, 152), а Экрилл {1} прямо обвиняет его в том, что он путается и допускает логические ошибки (Ackrill 1963, 133–137). Можно было бы предположить, что, в отличие от исторических апроприационистов, историцисты-контекстуалисты будут проявлять к Аристотелю большее уважение. Однако это не так.¹³

Заключение

Приведенные в статье примеры показывают, что контекстуалистская методология оказалась не в состоянии привнести что-то новое в те способы понимания 9-й главы «Об истолковании» Аристотеля, которые уже были предложены апроприационистами. Одни и те же контекстуалистские методы использовались разными исследователями для обоснования противоположных идей. Как заметил в свое время А. Эдель, корпус Аристотеля работает как тест Роршаха: подобно тому, как интерпретация формы чернильных пятен помогает психиатру заглянуть в психику пациента, интерпретация загадок Аристотеля помогает выявить убеждения и интеллектуальные устремления ученого (Edel 2017 [1982], 8). Ведь, по сути, каждый исследова-

¹³ Согласно классификации Рорти (Rorty 1984), такой прогрессизм и снисходительное отношение к прошлому соответствует историко-философскому жанру *Geistesgeschichte*. Поэтому апроприационисты следуют в своих работах жанру рациональной реконструкции вкупе с жанром *Geistesgeschichte*, а контекстуалисты совмещают *Geistesgeschichte* с исторической реконструкцией.

тель-контекстуалист решает две задачи: как правильно разгадать Аристотелеву головоломку, и какую отгадку предложил сам Аристотель. И нередко решение первой задачи незаметно переносится на вторую. В связи с этим возникает подозрение: а не является ли контекстуализм подчас лишь ширмой, за которой скрываются все те же апроприационисты?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Борисов, Е. В. (2014) “Боэций и Райл об эпистемическом фатализме,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 8.2, 339–346.
- Борисов, Е. В. (2015) “Две интерпретации проблемы логического детерминизма у Аристотеля,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9.2, 253–259.
- Бутаков, П. А. (2016) “Морское сражение и открытое будущее,” *Сибирский философский журнал* 14.3, 273–282.
- Вольф, М. Н., Косарев, А. В. (2016) “Неософистическая риторика в свете историко-философской методологии,” *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 36, 225–233.
- Спешилова, Е. И. (2015) “Истинностное значение высказываний о будущих единичных событиях у Аристотеля,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9.2, 260–264.
- Целищев, В. В. (2016) “Интеллектуальная реконструкция Аристотеля в работах Я. Хинтикки,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 10.1, 347–356.

REFERENCES

- Ackrill, J. L., ed., trans. (1963) *Aristotle. Categories and De Interpretatione*. Oxford.
- Anscombe, G. E. M. (1956) “Aristotle and the Sea Battle,” *Mind* 65, 1–15.
- Borisov, E. (2014) “Boethius and Ryle on Epistemic Fatalism,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 8.2, 339–346.
- Borisov, E. (2015) “Two Interpretations of the Problem of Logical Determinism in Aristotle,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9.2, 253–259.
- Butakov, P. (2016) “The Sea Battle and the Open Future,” *Siberian Journal of Philosophy* 14.3, 273–282.
- Craig, W. L. (1988) *The Problem of Divine Foreknowledge and Future Contingents from Aristotle to Suarez*. Leiden.
- Edel, A. (2017) *Aristotle and His Philosophy*. New York.
- Fine, G. (1984) “Truth and Necessity in *De interpretatione* 9,” *History of Philosophy Quarterly* 1, 23–47.
- Gaskin, R. (1995) *The Sea Battle and the Master Argument: Aristotle and Diodorus Cronus on the Metaphysics of the Future*. Berlin, New York.
- Hintikka, J. (1973) “The Once and Future Sea Fight: Aristotle’s Discussion of Future Contingents in *De Interpretatione* 9,” *Time and Necessity: Studies in Aristotle’s Theory of Modality*. Oxford. 147–178.
- Kneale, M., Kneale, W. (1962) *The Development of Logic*. Oxford.

- Knuuttila, S. (2015) "Medieval Theories of Future Contingents", E. N. Zalta, ed., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2015 Edition).
 <<https://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/medieval-futcont/>>.
- Lowe, M. F. (1980) "Aristotle on the Sea-Battle: A Clarification," *Analysis* 40.1, 55–59.
- Łukasiewicz, J. (1967) "On Determinism," S. McCall, ed., *Polish Logic 1920–1939*. Oxford, 19–39.
- Prior, A. N. (1953) "Three-valued Logic and Future Contingents," *Philosophical Quarterly* 3, 317–326.
- Quine, W. V. (1953) "On a So-called Paradox," *Mind* 62, 65–67.
- Rescher, N. (1967) "Truth and Necessity in Temporal Perspective," R. M. Gale, ed., *The Philosophy of Time*. New York, 182–220.
- Rorty, R. (1984) "The Historiography of Philosophy: Four Genres," R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner, eds., *Philosophy in History. Essays in the Historiography of Philosophy*. Cambridge, 49–76.
- Ryle, G. (1964) *Dilemmas. The Tarner Lectures 1953*. Cambridge.
- Sorabji, R. (1980) *Necessity, Cause, and Blame: Perspectives on Aristotle's Theory*. Ithaca, N. Y.
- Speshilova, E. (2015) "The Truth-value of Future Contingent Propositions in Aristotle," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 9.2, 260–264.
- Strang, C. (1960) "Aristotle and the Sea Battle," *Mind* 69, 447–465.
- Tselishchev, V. (2016) "Intellectual Reconstruction of Aristotle in Ja. Hintikka," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 10.1, 347–356.
- Volf, M. N., Kosarev, A. V. (2016) "Neo-sophistic Rhetoric in View of the Methodology of the History of Philosophy," *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal of Philosophy], Sociology and Political Science* 36, 225–233.
- Wright, G. H. von (1984) "Determinism and Future Truth", *Truth, Knowledge and Modality*. Oxford, 1–13.